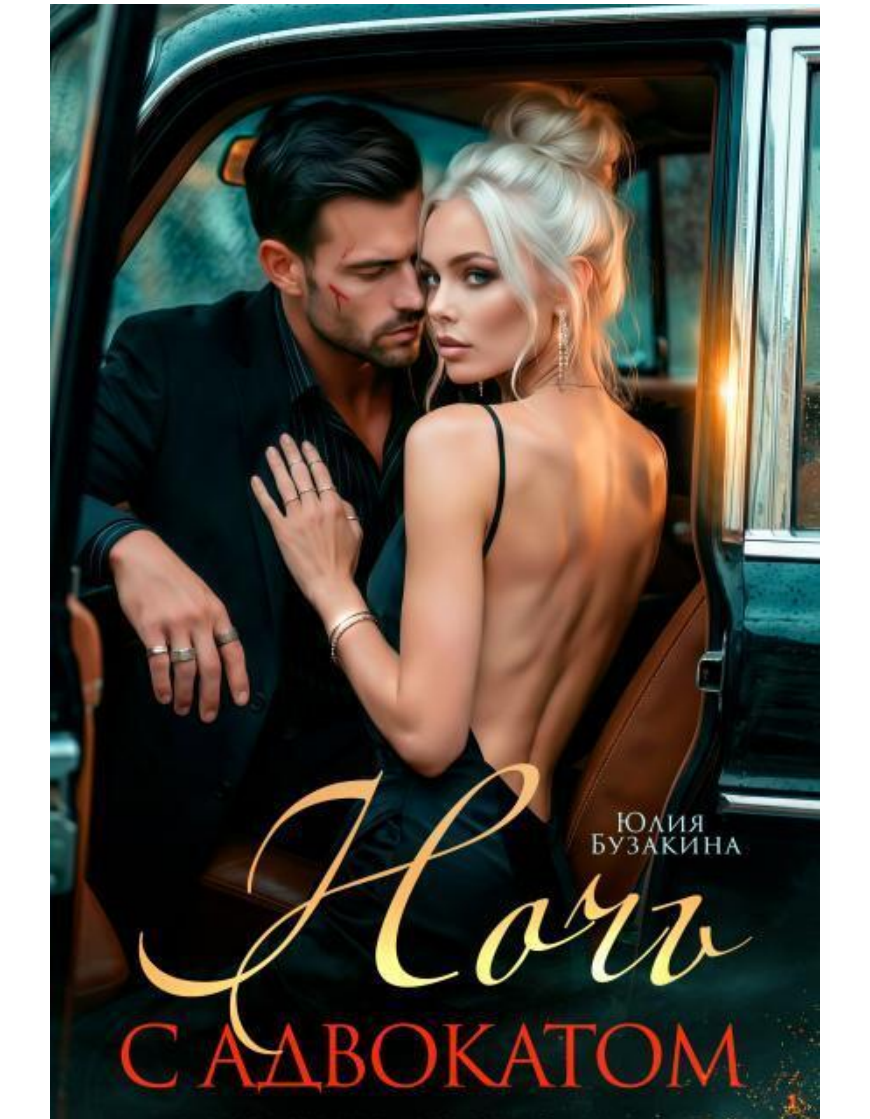

A man and a woman are shown in a close embrace inside a car. The man, on the left, has dark hair and a beard, with a small red mark on his cheek. He is wearing a dark suit. The woman, on the right, has blonde hair styled in a bun and is wearing a black, backless dress. She is looking over her shoulder at the camera. The car's interior and window are visible, with a warm, golden light reflecting off the window frame.

ЮЛИЯ
БУЗАКИНА

Ломь
С АДВОКАТОМ

Юлия Бузакина

Ночь с адвокатом

<https://litres.ru/74215572>

Аннотация

НОВИНКА - НА ГРАНИ читать:

— Помогите! К регистратуре стремительно идет мужчина. Он крепко прижимает к груди завернутую в теплый плед девочку. — Моей дочери плохо! — с яростью выплевывает ночной посетитель и швыряет на стойку документы. — Зовите врачей, немедленно, пока я не разнес вашу больницу к чертовой матери! — Ольга... Ольга Федоровна, у нас проблемы, — вжимаясь в стойку, испуганно зовет меня администратор. Я устремляюсь вперед. — Что у нас тут? — осматриваю бледную малышку. Мужчина пронизывает меня взглядом, и что-то обрывается внутри – я его знаю... Она – детский хирург. Ей изменил муж, и она не знает, как жить с этим дальше. Он – адвокат по уголовным делам и отец-одиночка. Они из разных миров и, кажется, им не суждено быть вместе. Но одна ночь в больнице меняет все.

В книге есть: настоящий мужчина , сильная героиня с характером♥#, измена, ребенок ХЭ!

ИСТОРИЯ АЛЕКСАНДРА СОКОЛОВСКОГО ЗДЕСЬ:

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	44
Глава 9	50
Глава 10	55
Глава 11	62
Глава 12	66
Глава 13	71
Глава 14	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Глава 1

— Ненавижу Молотова!

Моя подруга Лера горестно возводит глаза к потолку в тесной примерочной.

— Чертов придурок! У всех начальство, как начальство, а у меня... Нет, ты представь — все готовятся к длинным выходным на восьмое марта, а наш задумал провести инвентаризацию. Ему, видите ли, надо убедиться в сохранности актов, выявить расхождения и скорректировать учетные данные, чтобы они соответствовали реальности. Реальности, Оля! Какая реальность за сутки до начала выходных? Все уже одной ногой на взлетной полосе в сторону уикэнда!

Я пожимаю плечами.

— Ну, Лер, он же адвокат по уголовным делам. Чего ты от него хотела? Цветов и конфет?

— Было бы неплохо, — она печально вздыхает. — Да только от этого сухаря ничего не дождешься. А у меня по плану сегодня аэропорт. У меня такой мужчина, Оль! Закачаешься. Мы летим в Дубай на выходные. Только он, я — и шикарный номер в отеле с видом...

— Как думаешь, мне идет? — перебиваю ее нытье.

Подруга замолкает. Фокусирует взгляд на моей персоне. На мне облегающее черное платье с открытой спиной, которое стоит кучу денег.

Лера несколько мгновений придиричиво рассматривает мой образ.

— Идет, — соглашается с легкой ноткой зависти в голосе.
— Ты в нем секси.

— Но ценник! — я горько вздыхаю. — Оно стоит половину зарплаты. Да и спина открыта. Вадик снова будет злиться. Лера закатывает глаза.

— Оль, выключай скрягу. Один раз живем! А Вадика я бы уже давно послала ко всем чертям. Он придиричивый сноб, а еще он патологически зависим от своей матери. Ты выбрала очень неудачный вариант для серьезных отношений.

Я грустно усмехаюсь.

— Подумаешь, мама? Он генеральный директор в строительной компании. Мы женаты уже три года. У нас идеальная семья. Мы даже ни разу не поссорились!

— Это меня истораживает больше всего, Оля. Станные у вас отношения.

— Отстань.

Вот всегда она так. Ветреная блондинка, помешанная на богатых мужиках — Лера живет одним днем. А вот я живу семьей и работой.

Мне нет никакого дела до инвентаризации в их адвокатской конторе. Я врач. Работаю в больнице детским хирургом, у нас свои задачи, которые к праздникам только множатся. А Вадик... Что кривить душой — мне в этом году исполнится тридцать лет. На горизонте уже давно не маячат принцы на

белых «Мерседесах». Вадик Пригожин - отличный вариант. Подумав пару мгновений, я решаюсь приобрести платье. — Уговорила, берем, — расплываюсь в улыбке. На кассе перед нами два человека.

Лера хватает на ходу два комплекта кружевного женского белья, а я любовно поглаживаю дорогую ткань. Сегодня в шесть меня ждет ужин в ресторане с мужем, и мне не терпится выгулять новое платье.

— Ох, надо бежать. Если Молотов меня хватится, будет скандал, — Лера нервничает. Расплачивается за белье картой, и мы вылетаем из магазина.

Я врезаюсь в мужскую фигуру. Внезапно и остро. Больно бьюсь о неведомые крепкие мышцы и теряю равновесие.

— Ой, — срывается с губ.

Высокий незнакомец впивается в мои предплечья крепкой хваткой, в одно мгновение спасает от падения и пронизывает недовольным взглядом зеленых глаз.

Я оторопело хлопаю ресницами - от него до одури пьяняще пахнет терпким мужским парфюмом с нотками табака и восточных специй.

На правой скуле проступает четкий шрам. Во взгляде и осанке сквозит уверенность и скрытая внутренняя сила. Короткое черное пальто и высокий воротник черной водолазки выдают любителя свободного стиля, привыкшего пренебрегать правилами дресс-кода.

Четкая линия мужских губ изгибается в презрительной

ухмылке.

— Валерия? Вы почему в разгар рабочего дня покинули рабочее место? — позабыв обо мне, холодно чеканит он, и в его пронзительных зеленых глазах мелькают колючие льдинки.

Я наконец понимаю, что это и есть тот самый адвокат по уголовным делам Молотов, которого так ненавидит моя подруга.

Лера напряженно сглатывает.

— Так... перерыв же... обеденный, — мямлит невпопад.

— Перерыв? Ваш перерыв закончился полтора часа назад! Мне кажется, в этом квартале вы останетесь без премии.

— Данил Алексеевич, ну, пожалуйста, — хнычет Лера. — Мне за ипотеку платить.

— Марш в офис! Живо! Сегодня задержитесь на полтора часа, и все доделаете! Меня не будет, но надо принять важный звонок из прокуратуры. Состыкуете с секретарем дату встречи и только после этого можете быть свободны.

Он идет вперед и вдруг оборачивается. Пронизывает меня острым взглядом и вскоре растворяется в толпе.

— Вот же, — поправляя волосы, зло рычит Лера. — Выпрыгнул, как черт из табакерки! И что он забыл в торговом центре?

— Может, пришел за подарками для своих родных? — со свойственной врачам эмоциональностью предполагаю я.

— Нет у него родных! — пыхает яростью Лера. — Это же

Молотов, Оля!

— А почему он тогда пошел в «Детский мир»? — не умираюсь я.

— Шоколадку себе купить. Он помешан на шоколаде.

— Там не продают шоколад.

— Нет у него детей, Оля! Запомни: Молотов - одиночка. А еще он мерзавец и безбожник. Премии он меня лишит, как же!

Я морщусь - как много пороков сплелось в одном человеке.

У Леры звонит мобильный.

— Да, зай? Да, конечно, я уже собрала чемоданы... когда заедешь? Через двадцать минут?.. Оки-чмоки, жду, — прокатывается по холлу торгового центра ее возбужденный голос.

— Оля! — Лера впивается в мое запястье ногтями с таким отчаянием, что я вздрагиваю от боли.

Я закатываю глаза.

— Я уже тридцать лет Оля, — фыркаю недовольно.

— Оля, посиди вместо меня полтора часа в приемной у Молотова, умоляю! — захлебывается подруга. — Надо всего лишь состыковаться с прокуратурой, они сами позвонят. Назначишь встречу, передашь мне в сообщении и тихо уйдешь.

— Ты свихнулась, Лера?! — шиплю я. — Ты вообще в курсе, что это незаконно?

— Всего полчаса, миленькая! Умоляю, умоляю, умоляю,

— хнычет подруга. — У тебя сегодня все равно выходной. Я за это привезу тебе из Дубая еще одно платье. И сумочку!

Я не знаю, как у нее это выходит. Мне ни к чему еще одно платье, тем более, сумочка, но спустя пару минут мы несемся по проспекту в сторону офиса адвоката по уголовным делам Данила Алексеевича Молотова. Ведь у меня выходной, а у Леры — самолет улетает. Не может она упустить призрачную надежду на личное счастье с очередным претендентом на ее ветренное сердце.

Лера вкладывает мне в ладонь ключ от офиса.

— Вот ключ, запрешь приемную и сдашь внизу охраннику.

— В офис точно никто не придет? — с опаской осматриваясь по сторонам, уточняю у подруги я.

— Мамой клянусь! — выкатывает глазищи Лера. — Кто сюда явится? Сегодня же шестое марта, Оль! Все нормальные люди уже пьют шампанское в ресторане или у себя дома. А Молотов просто решил мне отомстить, вот и отправил обратно в офис.

— Ну, ладно, — вздыхаю недоверчиво.

— Спасибо, спасибо!

Лера вешается мне на шею, чмокает в губы и быстро исчезает.

Я растерянно осматриваюсь...

Глава 2

А в офисе адвоката Молотова есть, на что посмотреть. О, какая здесь шикарная мебель! Она из кожи, цвета темного шоколада и пахнет достатком. В воздухе витает аромат хорошего кофе.

Я подхожу к дивану и осторожно провожу ладонью по добротной обивке. Под стеклом на рабочем столе замечаю офицерские погоны. Одна звезда. «Майор», — мелькает автоматически. У меня отчим военный. Звания я помню наизусть.

На стеллаже среди юридической литературы в коробке красуется тактический нож с фиксированным клинком.

«Жизнь — Отечеству, Честь — никому» - гласит гравировка.

Видимо, это подарок из его офицерского прошлого.

Полюбовавшись ножом на расстоянии, делаю шаг назад.

Вспоминаю центральную городскую больницу, где я работаю на должности детского хирурга - и подавляю горький вздох. Обшарпанные стены, убогая мебель, продавленные сетки детских кроватей...

Сердце сжимается от несправедливости. Почему те, кто спасает детские жизни, вынуждены работать в ужасных условиях, а те, кто помогает людям избежать наказания, купаются в роскоши?

Я устраиваюсь на рабочем месте Леры и долго сижу, гипнотизируя взглядом телефон. Но он молчит. Видимо, в прокуратуре тоже забыли о том, что надо позвонить адвокату Молотову и отправились пить шампанское в ресторан.

Предвкушение приятного вечера с мужем вызывает рассеянную улыбку, но она слишком быстро исчезает от осознания, что я нахожусь в чужом офисе.

Не зная, как избавиться от тягучего чувства дискомфорта, я достаю из пакета платье. Оно чудесное.

Воровато осмотревшись по сторонам, я ныряю за рабочий стол и быстро переодеваюсь.

Подхожу к зеркалу, что притаилось в роскошной раме из темного дерева на стене и рассматриваю себя в обновке.

Собираю светлые волосы в пучок, поправляю макияж. Наношу блеск для губ, достаю из сумочки духи и наношу их на запястья и шею.

«Могу же выглядеть шикарно, если захочу», — вздыхаю мечтательно. Уверена, Вадим будет в восторге от моего образа.

Из телефона вырывается звук капающей воды — значит, мне пришло сообщение.

Открываю экран, а дальше изумленно застываю.

«Я жду ребенка от Вадима Сергеевича», — мерцает отправленная с неизвестного номера фраза.

Это настолько неожиданно, что почва уходит у меня из-под ног. Я пытаюсь сфокусировать взгляд на экране, но от

волнения он расплывается.

А неизвестный номер набирает новое сообщение.

Сердце гулко стучит в висках. По всему телу медленно расползается паника.

«Я его секретарь, Анаит. Я в отчаянии. В моей семье меня ни за что ни прастят. У нас на Кавказе с этим очень строго»

Анаит... Полгода назад она была пристроена в фирму к Вадиму какой-то ушедшей родственницей финансового директора из Махачкалы. Муж еще смеялся, рассказывая мне о своей новой неопытной секретарше, которая печатает документы с орфографическими ошибками. Получается, досмеялся?

К сообщению крепят фото последнего УЗИ.

Срок – двенадцать недель.

По спине бежит холодок. В первый год после свадьбы я потеряла ребенка. Срок был небольшой, всего десять недель, но я долго не могла смириться с потерей. Ударилась в работу. Каюсь, до сих пор не могу остановиться. Спасая детей, надеясь, что мой малыш тоже стал ангелочком и хранит чью-то душу.

А теперь ребенка носит его секретарша из Махачкалы. Надо же, как банально и просто рушится моя жизнь.

«Срок большой. Прастити, что так вышло. Я слишком сильно люблю Вадима Сергеевича».

Я нервно сглатываю. Как жалко дрожат руки! Три меся-

ца... У Вадима роман на стороне, а я ничего не знаю? Как же я измену в глазах мужа не заметила? Проглядела?

Ручка двери резко поворачивается, и я вздрагиваю от неожиданности. Телефон выпадает у меня из рук.

Хищный взгляд зеленых глаз пронизывает меня насквозь, а в следующий миг я оказываюсь лицом на столе с заломленными руками. В спину упирается холодное дуло пистолета.

— Ты кто такая?! — жестко чеканит у меня над ухом низкий, чуть хрипловатый голос.

— Я... я... Ольга... я вместо Леры... — выдыхаю беспомощно. — Пожалуйста, уберите пистолет. Она попросила за нее подежурить...

— Она... что попросила?! — ошарашенно уточняет у меня над ухом хозяйин офиса.

— Принять звонок из прокуратуры, — блею я и осмеливаюсь поднять голову.

Изумление на лице brutального безбожника Молотова не описать словами. Он даже ослабляет хватку, позволив мне выдернуть руку.

— Давайте уточним. Моя. Придурковатая. Помощница. впустила в офис постороннего человека?!

— Так получилось, — подняв руки вверх, жалко объясняюсь я. — Вы не волнуйтесь, я... я порядочная. Я врач, работаю в детской хирургии. Она очень просила, у нее самолет в Дубай улетал! Да я уйду сейчас. Можете меня обыскать, я ничего у вас не взяла.

Не спуская с меня дула пистолета, Молотов делает шаг вперед и разворачивает к себе спиной. В зеркало мне видно, как опасно вспыхивает порочным огнем взгляд его изумрудных глаз, когда они натываются на мою обнаженную спину.

«Чертovo платье», — летит досадная мысль.

Крепкие мужские руки скользят по моим плечам, спускаются к талии и беспардонно касаются бедер. Я задыхаюсь от терпкого аромата его парфюма с ноткой чего-то истинно мужского и дико опасного. Его запах настолько разительно отличается от того, чем привычно пахнет мой муж, что меня колотит, и совершенно не от холода.

Убедившись, что на мне нет прослушки и камеры, Молотов резко разворачивает меня к себе.

— М-можно я пойду? — пытаюсь не разрыдаться после унижительного обыска, выдавливаю из себя я.

Его взгляд скользит по моему лицу. Замирает на пылающих от нервного напряжения губах и опасно темнеет.

— Нет, — потирая колючий подбородок, хищно выдыхает мне в лицо Молотов.

Глава 3

— До конца рабочего дня еще есть время. Так что будь добра, сделай мне кофе.

Я делаю шаг к кофемашине. Ноги не гнутся. Обнаженная спина и плечи горят от грубых прикосновений и откровенного взгляда хозяина офиса.

«Чертovo платье»

Слышу, как за моей спиной он шумно вскрывает мою сумочку и высыпает все содержимое на широкий рабочий стол, и зажимаюсь.

Я стараюсь не смотреть. Я в отчаянии. Нервно мечусь у столика, делаю кофе, пока он перебирает содержимое.

К счастью, у нас с Пригожиным дома такая же кофемашинa, и я быстро справляюсь с заданием сделать кофе.

— Пригожина. Ольга Федоровна, — громко читает запись в моем паспорте Молотов, и я зажимаюсь. — Замужем. Муж – Пригожин Вадим Сергеевич.

«Отпустите меня, пожалуйста», — молю мысленно. Ведь нарваться на самого известного в городе адвоката по уголовным делам – серьезная неприятность.

Он же на меня может что угодно повесить. У него связи везде – в полиции, в прокуратуре, в администрации. А я – обычный детский врач в государственной больнице. Как я могла так вляпаться?!

— Вот. Кофе, как просили. — Ставлю перед ним кофе дрожащими руками. — Отпустите меня, пожалуйста. Умоляю...

— Сядь! — рывкает он, и я, как подкошенная, падаю в кресло для посетителей.

Перед глазами все плывет. Меня всю трясет крупной дрожью, и этого никак не скрыть. Неуютно потираю предплечья ладонями и стараюсь не разрыдаться.

Молотов садится напротив. Вальяжно откинувшись в кресле, он с видом хозяина жизни изучает меня из-под опущенных век.

— А ты всегда так вызывающе одеваешься, Ольга Федоровна? — отпив глоток кофе, уточняет внезапно.

Я вспыхиваю. Пытаюсь прикрыть обнаженные плечи ладонями. Стыдно до одури.

— Нет, конечно, же, нет! — выдыхаю, сглатывая ком в горле. — Просто я купила сегодня это платье, чтобы пойти в ресторан с мужем. Вот и решила переодеться. Лера поклялась, что сюда никто не придет.

Он некоторое время молчит.

— Ясно, — цедит рассерженно. — Сука, знал же, что эта набитая курица не подходит для работы! Нет, повелся на уговоры партнера, взял.

Я отвожу взгляд. До одури горько от того, что мой муж тоже взял себе помощницу по рекомендации одного из партнеров.

У меня в телефоне вибрирует вызов.

— Это из больницы. Я должна ответить. Пожалуйста, — смотрю умоляюще на Молотова.

— Забирай шмотки и проваливай, если не хочешь, чтобы на тебя завели уголовное дело за незаконное проникновение на частную территорию, — отмахивается он. — У тебя три минуты. Время пошло.

Я несколько мгновений не шевелюсь. Смотрю на него, не мигая, не веря своему счастью, а потом срываюсь с места. Хватаю свое пальто, пакет со старым платьем и сгребаю со стола содержимое своей сумочки.

Уже у двери на миг оборачиваюсь.

Молотов отпивает глоток кофе и сосредоточенно смотрит в свой мобильник. Кажется, он потерял ко мне всякий интерес.

Я бегу по темному коридору к выходу. На ходу натягиваю пальто и нащупываю в сумочке ключи от своей «Тойоты». Перебегаю дорогу и устремляюсь к парковке торгового центра.

Меня переполняет ощущение, что я попала в триллер, и он никак не закончится.

Устроившись в машине, я несколько мгновений пытаюсь отдышаться.

Смотрю на экран. Пропущенный вызов не из больницы. Он от моей свекрови, Ангелины Васильевны.

И она прорывается снова.

Мое сердце сжимается. Меньше всего на свете мне сейчас нужен разговор со свекровью.

Нехотя нажимаю прием вызова.

— Здравствуйте, Ангелина Васильевна, — пытаюсь быть привычно любезной.

— Ты тоже получила то сообщение? — перебивает меня она.

— Какое? — сжимаю дрожащей рукой телефон.

— От некоей Анаит, которая беременна от Вадима?

— Да, — отвечаю глухо. — Пять минут назад получила.

— Оля, тебе не кажется странным то, что она пишет тебе и мне?

— Ангелина Васильевна, я не знаю, что вам ответить. Я в шоке.

— Оль, не звони пока Вадиму. Я сама ему позвоню. Мой сын не мог тебе изменить. Он не такой, Оля! Для него семья всегда на первом месте.

Я вздыхаю.

— Они все «не такие», — произношу потерянно. — До тех пор, пока за руку не поймают.

— Все верно. Но почему эта девушка написала тебе и мне?

— Я не знаю. Я сейчас не в состоянии это обсуждать.

— Оля, я сейчас поеду к Вадиму на работу. Поймаю его в приемной и попробую серьезно поговорить. Если она решила таким способом заработать, то у нее ничего не выйдет.

С губ срывается горький смешок.

— А если нет?! Если она и вправду беременна от Вадима?

— Тогда будем решать этот вопрос.

В трубке раздаются короткие гудки.

Я пытаюсь унять дрожь в теле. В случае, если Анаит не лжет, вопрос решится в ее пользу. Ведь у нас с Вадимом так и не появилось детей после моей неудачной беременности.

Я закрываю лицо руками. Мне хочется плакать. Все смешалось – стычка в офисе у адвоката, сообщения неведомой Анаит, звонок свекрови.

Посидев так пару минут, я набираю сообщение мужу.

«Твоя секретарша от тебя беременна, — пишу откровенно. — Когда ты собирался мне об этом сообщить?»

Отправляю.

Впрочем, это уже не важно, потому что я от него сегодня уйду, но отменить отправку сообщения уже нельзя, поэтому я просто сижу, уставившись на экран телефона.

Прорывается новый звонок. Он из больницы.

— Ольга Федоровна, это Аня Фирсова. К нам поступил ребенок с колото-резаным ранением. Неудачно спрыгнул на стройке на острый штырь. Надо срочно зашивать, а Тимошенко сняли со смены. У нее ковид.

Аня – моя коллега. Мы вместе работаем в операционной.

— Уже еду, — выдыхаю в трубку и завожу машину.

На миг меня охватывает боль потери. Мне изменил муж. Как банально! Банально и горько.

Ужина в ресторане не будет. Больше ничего не будет, но я не хочу об этом думать. Мне проще сбежать от себя, окунуться в работу, даже в свой выходной день. Я не умею улыбаться предателям.

Глава 4

Я покидаю операционную час спустя. В голове привычно шумит после напряженной работы.

Избавляюсь от хирургических перчаток, тщательно мою руки. Медлю, тяну время. Мне не хочется возвращаться в реальность, которая внезапно стала такой неудобной.

— Оля, ты можешь ехать домой, дальше я справлюсь, — с готовностью смотрит на меня Аня. — Ты же сегодня в ресторан с Вадимом собиралась, помнишь? Может, успеете еще поужинать?

Я несколько мгновений рассматриваю свое отражение в зеркале. Уже ничего не будет по-прежнему.

Сердце предательски ноет.

Взгляд падает на экран мобильного телефона. Время - шесть пятьдесят. И пять пропущенных вызовов от Вадима.

Глаза застилают слезы. Я не знаю, как вести себя в таких случаях, а шпаргалка не предусмотрена.

Вадим – состоятельный мужчина. Ему тридцать два, у него отличная должность в строительной фирме. Конечно, прибывшая из Дагестана Анаит влюбилась в него без оглядки. Она до приезда к нам мужчин только по телевизору видела. Но он! Как мог наследить? Как мог заделать ей ребенка? Мы женаты три года, и после того несчастного случая у нас ни разу не было прокола. А тут - приплыли. Он ведь

знает, какие у дагестанцев порядки. Как он мог так подставить своего партнера? Соблазнить и опозорить его молодую, неопытную родственницу?

— Оль, с тобой все в порядке? — так и не дождавшись ответа, Аня Фирсова трогает меня за плечо.

Я отрицательно качаю головой.

— Нет, Ань... не в порядке. Вот совсем не в порядке, — выдыхаю шумно и смахиваю с щек непрошенные слезы. — У мужа роман на стороне.

Аня потрясенно смотрит на меня.

— Вадим тебе изменил?

Я киваю. Глотаю слезы.

— С ума сойти... Вы же были идеальной семейной парой! Чего ему не хватало?

— Не знаю, Ань. Я останусь в больнице на ночь. Заменю Тимошенко, да и работа хоть немного отвлечет. А потом я соберу остатки мужества и уйду от него.

— Пойдем в ординаторскую? Я сделаю тебе успокаивающий чай с мелиссой.

— Пойдем, — отвечаю согласием.

Мы целых сорок минут сидим в ординаторской. Пьем чай с печеньем и медом, которые нашлись в шкафчике.

Я молчу. Мой мир рухнул. Он разбился розовыми очками внутрь, и теперь я не знаю, что делать дальше. Когда тебя обходит молодая секретарша, приехавшая из другого мира, чувствуешь себя так, будто...

И вроде тебе всего тридцать. Еще так много всего впереди. А ей девятнадцать, и она беременна. И все. Это все перечеркивает.

В коридоре слышится шум. Кажется, привезли еще кого-то. Только не на «Скорой», а своим ходом.

Аня поднимается из-за стола. Кладет руки мне на плечи.
— Все будет хорошо, Оль. Поняла? — произносит строго.
Я киваю.

Страхиваю с себя горе потери и устремляюсь в коридор за ней следом.

Изумрудные глаза и жесткую щетину адвоката Молотова сложно не узнать. Мое сердце летит в пропасть - у него на руках завернутый в плед ребенок.

— Помогите. Рвота и боли в животе, уже сутки. Гувернантка призналась только час назад, — выплевывает у регистратуры он.

— Мужчина, надо было вызвать «Скорую», — с упреком посматривает на него администратор. — Может, у ребенка просто ротавирусная инфекция? А вы в хирургию!

— У ребенка боли при пальпации! — с яростью отвечает Молотов и швыряет на стойку документы. — Зовите врачей, немедленно, пока я не разнес вашу больницу к чертовой матери!

— Ольга... Ольга Федоровна, у нас проблемы, — вжимаюсь в стойку, испуганно зовет меня администратор. Она не любит неадекватов. А среди родителей наших пациентов та-

ких немало.

Но Аня уже устремляется на помощь.

— Что у нас тут? Вы отец? — проводит опрос и одновременно осматривает ребенка.

Это девочка. Очередной рвотный позыв не заставляет ждать.

— Да, я отец, — резко поясняет опасный посетитель.

— Ясно. Сколько ей?

— Пятнадцатого марта исполнится семь лет.

Младший медперсонал спешит на помощь.

Я оторопело стою позади, пытаюсь справиться с приступом животного страха. Нет, я не хочу снова встретиться с адвокатом Молотовым. Мне стыдно и страшно, и я не готова к новой дозе кортизола и адреналина. Я еще от прежней не совсем пришла в себя. Но в отношении нашей пациентки время играет против нее.

— Анализы, срочно, — команду я.

Взгляды встречаются. У меня из-под ног уходит почва. Он делает вид, что мы не знакомы, и я ему за это благодарна.

Девочку удастся уложить на носилки. У нее действительно боли в животе. На ее лице — смесь испуга и сильной боли; ручки сжаты в комок, пальчики дрожат.

— Папа, — зовет отчаянно. — Не бросай меня, папа! Пожалуйста!

— Что случилось? — спрашиваю у Молотова, изо всех сил стараясь сделать вид, что мы видимся впервые в жизни.

— Живот болит с прошлого вечера. Мы сначала думали, что кишечный грипп. Гувернантка была с ней весь день, но состояние только ухудшилось, — напряженно поясняет он.

Я склоняюсь над девочкой.

— Не бойся меня, милая. Сейчас мы сделаем необходимую проверку, чтобы понять, что с тобой происходит, — уточняя ласково. — Лучше скажи, как тебя зовут?

— Амели, — шепчет испуганно малышка.

Моих губ касается произвольная улыбка.

— Какое красивое имя. Если бы у меня была дочь, я бы назвала ее также.

Она хватает меня за руку и несколько мгновений внимательно рассматривает мое лицо. Воспользовавшись заминкой, я пальпирую зону ее болевых ощущений. Она выгибается.

— Больно, больно! — кричит громко.

Пальпация животика показывает, что есть подозрение на острый аппендицит.

— Анализы, немедленно! — командую громко.

Мои коллеги уже толкают каталку вперед по коридору.

— Папа, не бросай меня! Я боюсь, папочка! — пытается слезть с каталки малышка.

Молотов рвется за ней следом, но я усилием руки останавливаю его порыв.

— Не волнуйтесь, мы позаботимся о ребенке. Ожидайте здесь, — прошу спокойно.

Он хватает меня за локоть и резко притягивает к себе. Ошпаривает взглядом.

— Вы отвечаете за ее жизнь головой, — выдыхает жестко.

— Я в курсе, — отвечаю уверенно. — Я не первый день здесь работаю.

Двойные двери захлопываются, отрезая меня от адвоката Молотова.

Глава 5

Мне ясно одно – действовать надо быстро.

Мы отвозим девочку на УЗИ. Поднимается вопрос об обезболивании и антибиотиках.

Она впивается в мою руку маленькими пальчиками и никак не хочет отпустить.

— А вы правда назвали бы свою дочь Амели? — спрашивает с интересом.

Я глажу ее по растрепанным волосам.

— Да, правда.

— А почему у вас нет детей? Вы красивая.

На миг что-то больно колет в сердце. Сложно смириться с тем, что твоя семья рухнула.

— Не сложилось, — отвечаю честно.

Специалист по ультразвуковому исследованию диктует данные своему ассистенту.

Результаты анализов подтверждают подозрение на острый аппендицит.

— Надо оперировать, срочно, — я озабоченно смотрю на монитор. — Готовьте операционную. Немедленно выясните у отца, нет ли у девочки аллергии на лекарства.

— А если бы у вас был выбор, вы бы кого хотели? Сына или дочь? — не унимается девочка.

Я несколько мгновений смотрю на ее личико. Измучен-

ное, бледное. В глазах светится какая-то странная, помешанная на отчаянии надежда.

— Дочь, — отвечаю интуитивно. Улыбаюсь маленькой пациентке.

На бледном личике проступает слабая ответная улыбка.

— Я вас узнала. Это вас я нарисовала, — шепчет она.

Я непонимающе приподнимаю бровь.

— Нарисовала. На картине. Я рисую. Когда вырасту, стану знаменитой художницей...

Анестезиолог готов к работе.

— Амели, ты сейчас заснешь. А когда проснешься, все будет хорошо, — мягко разговаривает с девочкой Аня.

Засыпая, малышка продолжает рассеянно улыбаться и медленно выпускает мою руку из своих маленьких пальчиков.

Я с недоумением рассматриваю ее бледное личико.

— Бредит, — с сочувствием произносит Аня.

Операция проходит в штатном режиме, без осложнений.

— Хорошо, что отец привез ее вовремя, — говорит Аня.

— Шьем, — киваю согласно.

— Ты знаешь, кто он? — не отрываясь от работы, спрашивает она.

— Понятия не имею, — чувствуя, как по спине прокатывается холодок, отвечаю ей.

— Пока вы делали узи, мне позвонила наша главврач. Ей уже позвонили сверху. Он адвокат по уголовным делам. У

него такие связи, что лучше не нарываться. Поэтому улыбаемся и машем. И так до самой выписки маленькой пациентки. Нет, все же, хорошо, что он успел привезти ее сегодня. Если повезет, Амели быстро поправится.

Я не отвечаю. Только напряженно сглатываю. Заканчиваем работу.

Малышка поправится, я это точно знаю. Врачебная интуиция подсказывает, что мы все сделали правильно, а главное — вовремя.

...Операция заканчивается.

Амели спит после наркоза.

Мы не спускаем с нее глаз.

В палату разрешают зайти ее отцу.

— Девочке потребуется уход. Кто-то из взрослых должен быть рядом, когда она проснется, — тихо поясняю я.

Он согласно кивает.

— Ее гувернантка скоро приедет.

— Хорошо, но лучше бы мать. Ей нужен кто-то близкий. Гувернантка — не совсем то, что требуется ребенку после операции.

— У нее нет матери! Ее мать погибла два года назад, — Молотов злится. — С тех пор я являюсь ее единственным опекуном и выполняю роль обоих родителей. Но эта информация не для разглашения. В моей работе много подводных камней, а ребенок — удобный способ для шантажа.

— Ее мать... убили? — срывается с губ против воли, и я

проклинаю себя за свой длинный язык.

Молотов несколько мгновений удивленно смотрит мне в глаза.

— Почему сразу убили? Потому что я адвокат по уголовным делам? — усмехается криво.

— Нет, совсем не поэтому...

— Ее мать умерла от инфекции! — резко обрывает меня он. — Она уже пошла на поправку, а потом резко произошла закупорка сосуда. Тромбоз – знаете такое явление? Врачи упустили этот момент из вида. Результат – мгновенная смерть.

— Извините, — выдыхаю растерянно.

Что-то неприятно сжимается внутри. Я вдруг понимаю, отчего девочка так отчаянно цеплялась в мою руку. Она потеряла маму.

— Я вас поняла. Думаю, мы с вами вряд ли пересечемся еще раз, так что информация о вашей дочери останется в стенах этой палаты.

— Ваша подруга уволена без права на восстановление, — желая сменить болезную тему, холодно сообщает он.

Я пожимаю плечами.

— Вы работодатель, и увольнять ненадежных сотрудников – ваше законное право. Мне жаль, что я повелась на ее уговоры и нарушила ваше пространство. Клянусь, я ничего не видела и не слышала.

— Я знаю, — на его лице проступает усталая ухмылка. —

Я просмотрел видеокамеры.

Я вспыхиваю.

— Вы все видели? Даже... как я переодевалась?

Его губы искривляются в мерзкой улыбке.

— Даже как вы переодевались. Кстати, на вашем месте я бы поменял нижнее белье. Оно у вас слишком не интересное.

— Оно для удобства на работе! — чувствуя, как щеки полыхают огнем от унижения, выдыхаю я. — А не для улады развращенных мужских глаз!

С его губ срывается смешок.

— Думаю, ваш муж считает иначе.

Мой муж... Сердце снова болит. Мой муж мне изменил.

«Интересно, какое белье носит на работу скромница Анаит?» - бьет в голову набатом горький вопрос.

Несколько мгновений мы молчим.

— А почему вы не в ресторане? — внезапно спрашивает Молотов. — Вы так отчаянно наряжались в то платье.

Я вздыхаю. Чувствую себя неуютно от его вопроса.

— Просто... не вышло, — отвечаю уклончиво. — Меня вызвали на работу.

— Как знакомо, — в его ответе звучит усмешка. — Белье для удобства на работе, отказ от ужина с мужем в угоду работе. Удивительно, что вы вообще купили то откровенное платье и решились переодеться в приемной адвоката.

— Я, между прочим, спасла вашу дочь! — выдыхаю разь-

яренно, позабыв о предупреждении от главврача.

Молотов пожимает плечами.

— Я вам благодарен. А вот муж, боюсь, нет, — режет по больному, напоминая про измену Вадима.

— Вы не мой личный психотерапевт, чтобы обсуждать желания моего мужа. Поверьте, его все устраивает.

Я лгу, и от этого очень гадко на сердце.

Телефон вспыхивает тихой вибрацией, и я безумно благодарна администратору за то, что она избавляет меня от необходимости продолжать беседу с Молотовым. Его аналитическое мышление выбивает меня из колеи.

— Простите, мне надо ответить, — извиняюсь перед своим невыносимым собеседником. Прижимаю трубку к уху плечом.

— Ольга Федоровна, в холле вас ожидает муж, — сообщает администратор.

Сердце больно сжимается.

— Скажите ему, чтобы он уходил. Я не выйду.

— Ольга Федоровна, поверьте, дурные вести в нашем отделении разносятся быстро. Я ему уже сказала, что вы заняты. Но он не планирует уходить. Обещает устроить скандал, если вы не спуститесь.

Я горько вздыхаю.

— Хорошо, уже иду.

Жму отбой и прячу телефон в карман халата.

Молотов мрачно мне подмигивает.

— Дайте угадаю? Обманутый в своих ожиданиях супруг пришел выяснять отношения?

— Вы можете разместиться здесь, Амели потребуется поддержка, когда она проснется, — пропустив мимо ушей его колкость, произношу дежурные фразы бесцветным голосом.

Молотов кивает.

— Мне надо сделать пару звонков, — и выходит в холл за мной следом.

Я бегу вперед, к лифтам. Сердце бешено колотится. Я не готова к разговору с мужем. Совсем не готова.

Глава 6

Вадим стоит у поста охраны, скрестив руки на груди. Он бледен.

— Оля! — бросается ко мне, как только я миную турникет. Хватает за руки.

Я несколько мгновений изучаю его растерянным взглядом. Из глубины души поднимается горечь.

«Какой же ты подонок, Вадим. Какой ты подонок»

— Чего ты от меня хочешь, Вадик? — произношу устало.

— Я хочу, чтобы ты верила только мне.

— До этого я верила только тебе. Видимо, зря.

— Оль, я требую, чтобы ты поехала со мной домой. У тебя сегодня выходной. Твой законный выходной, слышишь? Сегодняшний вечер принадлежит нам двоим.

Обхватив плечи руками, я смотрю ему в глаза.

— Вадим, нас двоих больше нет. Твоя измена расколола наш брак.

— Оленька, умоляю, поехали домой! Я правда хочу все объяснить, только общественное место не подходит для такого разговора.

— Анаит все объяснила за тебя. А ехать домой я сегодня не готова. Прости, мне надо побыть одной.

Он проводит по волосам ладонью.

Психует.

— Ладно! — выдыхает шумно. Смотрит в глаза. — При-
знаюсь, я не сдержался. Я тебе с ней изменил. Так получи-
лось — отмечали день рождения одного из сотрудников, за-
держались в офисе, а она оказалась слишком близко. Она
шампанское первый раз попробовала...

— Я не хочу знать подробности, Вадим!

— А я хочу быть честным! Хочу, чтобы ты знала — это бы-
ла всего лишь интрижка. На прошлой неделе мы с ней рас-
стались. А сегодня она огорошила меня новостью о беремен-
ности.

— То есть, ты три месяца встречался с родственницей
финдиректора из Махачкалы, дурил ей голову, лишил чести,
а потом решил просто расстаться?!

— Да, я виноват! Анаит... она меня соблазнила, понима-
ешь? В ней так много непосредственности и нежности. Я не
устоял.

Его признание больно бьет по моей самооценке. К горлу
подкатывается ком. Я всегда считала себя сильной, взрослой,
самодостаточной. Я — как солдат. Всегда в строю. Всегда иду
в атаку. Нет во мне непосредственности, а нежность... на-
верное, я запрятала ее так глубоко, что уже не достучаться.

— Значит, развод? — пытаюсь сохранить остатки гордо-
сти, уточняю глухо.

Вадим тяжело вздыхает.

— Какой развод, Оля? Я люблю тебя. Анаит — она как лег-
кий десерт. Полакомился и больше не хочется.

— Не хочется тебе?! Да ты хоть знаешь, какие порядки в Дагестане? Как только твой финдиректор узнает о том, что ты обесчестил его племянницу, он камня на камне не оставит!

Вадим хмурится.

— Во-первых, не я лишал ее чести, невинной она точно не была. А во-вторых, это не мой ребенок. Ты прекрасно знаешь — я перестраховщик. Неужели думаешь, что я мог наследить на стороне?

— Мне плевать! Плевать, слышишь?! Разгребай свои проблемы сам.

Я толкаю его в грудь и устремляюсь через турникеты обратно.

Вадим рвется за мной.

— Оля!

— Не пускайте! — цежу со злостью, сверкая взглядом в сторону охраны, и те перекрывают моему мужу доступ в больницу.

— Оля, послушай! Меня подставили! Ну, послушай же... Я люблю тебя одну. Мне не нужен развод!

Но я не слушаю. Зажав уши ладонями, я бегу к лифту и жму на вызов.

— А знаешь, что?! — раздухарившись, выкрикивает муж, перегнувшись через турникет. — Я подожду, пока ты вернешься домой! Там и поговорим, как цивилизованные люди.

Я резко оборачиваюсь. Несколько мгновений смотрю на

человека, которому верила. Внутри меня что-то ломается. Громко, с хрустом. А потом с грохотом летит в бездонную пропасть.

«Вот и все. Все кончено», — бьет в голову набатом. И такое бессилие охватывает, что хочется забиться куда-нибудь в самый темный угол, накрыться с головой колючим казенным одеялом и выть белугой.

— Я не вернусь, — произношу глухо. — Я проживу пока у мамы и отчима. Встретимся в суде. И запомни: делить нажитое за три года имущество мы будем по всем правилам!

— Оля! Так нельзя, слышишь?!

Я на миг прикрываю глаза.

Едва сдерживаюсь, чтобы не выкрикнуть в ответ что-то из наболевшего.

— Оля, послушай! Развода не будет! Не будет, и точка! Я не позволю...

Двери лифта шумно распахивают свои стальные объятия, и я ныряю внутрь.

«Конечно, ты не позволишь», — ухмыляюсь горько.

Нам с Вадимом есть, что делить. Он женился на мне на пике своей карьеры. Деньги текли к нему рекой. За три коротких года мы успели приобрести прекрасную двухуровневую квартиру в элитном жилом комплексе, дачу за городом и две машины — мою «Тойоту» и его «Лэнд Ровер», который стоит в два раза дороже нашей квартиры. Что говорить про мебель и бытовую технику, которую брали, не глядя на цен-

ники!

Чувствую, как давит в груди. Глаза жгут слезы, и их так трудно держать в себе. Губы дрожат. Подумать только, он решил, что Анаит – это десерт, которым можно безнаказанно полакомиться! Да только с ее родственниками вряд ли получится уйти от ответственности. На кону беременность сроком двенадцать недель, и шансов выйти сухим из воды у Вадима просто нет.

А я не отступлю. Если мой муж любит лакомиться запретными десертами, пусть раскошеливается. Как законная жена, я имею право на половину нажитого добра. Пусть даже это добро было оплачено из его кармана...

Глава 7

Я прохожу по этажу, заглядываю в каждую палату. В эту ночь пациентов не много. Тот мальчик, что упал на штыри на стройке, тихо спит.

Еще два маленьких пациента готовятся к выписке завтра утром, у них тоже все тихо.

Последней я проверяю Амели. Мне не хочется столкнуться с адвокатом Молотовым еще раз. Я чувствую себя очень неудобно в его присутствии. Но мне везет - он что-то обсуждает по телефону в холле.

Убедившись, что малышка в порядке, я отправляюсь в ординаторскую. На круглых старых часах на стене стрелки указывают полночь. Аня уже спит.

Я укладываюсь на диван, накрываюсь пледом. Пытаюсь поспать. Но сон не идет. Я просто лежу и смотрю в потолок. В темноте мелькают фары машин, их тени плывут по стенам. От этих теней становится не по себе.

Я пытаюсь сообразить, как организовать перевозку своих вещей к маме и отчиму. Да, конечно, они не обрадуются моему переезду. Моя младшая сестра Зоя до сих пор живет с ними, и не собирается сепарироваться. Квартира трехкомнатная, так что вряд ли мое появление их порадует. Увы, пока у меня нет сил на большее.

В груди печет. Желудок на нервной почве выворачивает

наизнанку и заполняет изжогой.

Как я могла не заметить, что у Вадима роман? Вот как?

Не выдержав испытания гастритом, я резко сажусь на диване. Откидываю плед и беру на стене ключи от процедурной. Может, найдется что-то от изжоги.

В полумраке холла у окна замечаю мужскую фигуру. Сердце неприятно сжимается – это Молотов. Идти мне придется мимо него, а я не хочу. Я ведь сейчас слишком уязвима, а у него язык подвешен отлично. Впрочем, ничего удивительного - он же адвокат.

Тихо, почти бесшумно ступаю по полу, стараясь не вызывать у него желания задать мне вопрос.

И я уже почти проскальзываю мимо, когда он оборачивается.

— Не спится? — летит чуть хрипловатая ухмылка мне в спину, вынуждая притормозить.

Сердце летит вниз. Я зажмуриваюсь.

— Изжога замучила, — поясняю тихо и устремляюсь в процедурную.

За спиной слышу тяжелые шаги. Черт, он идет за мной.

— А вам, я смотрю, тоже не спится? — уточняю с сарказмом, отпирая дверь процедурной.

— А здесь можно заснуть? — изумляется Молотов.

Я пожимаю плечами.

— Сегодня вроде тихо.

Он ухмыляется.

— Никогда не любил больницы.

Я включаю свет, на миг оборачиваюсь. Он стоит, прислонившись плечом к стене. Скрестив руки на груди, с интересом меня изучает.

От его пристального взгляда мне не по себе. Чувствую, как по коже расползаются противные мурашки.

«Кстати, на вашем месте я бы поменял нижнее белье. Оно у вас слишком не интересное», — вспыхивает в голове его фраза, и я чувствую себя еще более уязвимой.

Не знаю, почему меня так зацепило его замечание? Может, потому что при виде brutального мужика каждая женщина хочет услышать комплимент, а не критику? То, что он разительно отличается от моего мужа, я заметила еще в торговом центре. Есть в нем что-то... наверное, от моего отца. Такой же прямой взгляд, ядовитая правда в глаза. То, от чего я отчаянно бегу в реальной жизни. С Вадимом было просто — он старался максимально избегать острых углов в отношениях. И вообще, не понимаю — для чего я их сравниваю?!

Я злюсь на себя за то, что адвокат Молотов влияет на меня как раздражитель.

Шарю на полочке, нахожу саше от изжоги и одноразовый стакан. Пытаюсь смешать, но от ощущения присутствия чужого мужчины за спиной руки совсем не слушаются. Неловкое движение — и саше падает на пол.

Я собираюсь его поднять, но Молотов меня опережает. Он

ловко подхватывает саше и уверенно отнимает у меня пластиковый стаканчик.

— Давайте я? — предлагает помощь. И смотрит на меня так пронзительно, что у меня по коже снова расползаются противные холодные мурашки.

Он даже не врач. Он просто посетитель, у которого нет никакого права находиться в процедурной посреди ночи.

Но вместо того, чтобы возмутиться, я, сглотнув, отступаю. Молча наблюдаю за тем, как он смешивает ингредиенты в стакане.

— А я смотрю, вы мастер в этом деле? — колко усмехаюсь.

— Ага, — он дружелюбно кивает и протягивает мне стакан. Подмигивает: — С похмелья хорошо помогает.

— Я не употребляю алкоголь! — выдыхаю оскорбленно, а потом залпом выпиваю содержимое стакана.

— Фу, какая вы скучная, — летит мне в спину, и мне с трудом удастся допить лекарство.

— А вы слишком пропитаны гадкими привычками, — язвительно парирую я.

— Не без этого, — согласно кивает он и продолжает меня рассматривать.

Ежусь.

Выбрасываю стакан в урну и выпускаю его обратно в холл после чего запираю процедурный кабинет на ключ.

— Почему вы такая колючая? — не унимается Молотов.

Я оборачиваюсь. Взгляды встречаются.

— Потому что сейчас мы с вами не у вас в офисе, а у меня в больнице, и вы нарушаете мое личное пространство? — отвечаю вопросом на вопрос.

Его губы трогает едва заметная улыбка.

— В офисе вы были приятнее в общении. И там был кофе. Кстати, у вас тут не найдется лишней чашки? Здесь нет ни одной круглосуточной закусочной, а я сегодня не успел пообедать. Может, сжалитесь, и не дадите умереть от голода несчастному адвокату?

У меня с губ срывается смешок.

— Издеваетесь? Это обычная больница. Откуда здесь закусовые? Но если хотите, могу поделиться печеньем. Есть еще чай.

— Не откажусь.

Я примирительно вздыхаю.

— Ладно, давайте пройдем в ординаторскую. Только тихо, моя коллега спит.

Глава 8

В ординаторской мы устраиваемся за столиком у стены. Я включаю чайник и достаю из шкафчика печенье и мед. Нахожу в холодильнике остатки сырокопченой колбасы и сыра, оставшиеся от небольшого банкета – накануне праздновали чей-то день рождения.

Ловлю себя на мысли, что уже второй раз за сутки делаю горячий напиток этому мужчине. Как странно и непривычно.

— Ну, чем богаты, —ставляю на столик перед ним нехитрые угощения.

Его губы расплываются в улыбке.

— М-м-м, еще никогда бутерброд из сыра и колбасы, положенной на печенье, не казался таким вкусным.

Я ловлю себя на том, что испытующе его рассматриваю. Замечаю, что у него выразительные глаза и четко очерченная линия губ. Когда он искренен, у него очень обаятельная улыбка. Еще этот шрам на правой щеке... бандитские разборки, не иначе.

Молотов перехватывает мой взгляд. Усмехается.

— Я получил шрам в августе две тысячи восьмого, — будто читая мои мысли, поясняет спокойно. — Пятидневная война, может, слышали?

Я замираю. Слышала ли я?..

Моего отчима вместе с другими военными перебросили в Абхазию в конце мая две тысячи восьмого. В конце июля ситуация резко обострилась, и он перестал выходить на связь. Мне было всего двенадцать лет, но те пять дней я запомнила навсегда. Как и место под названием Кодорское ущелье. Пять дней августа стали для моей семьи пятью днями ада. Мама тогда, будто застыла. Она ничего не ела, не пила, только гипнотизировала телефон. А из части одно и то же: ждите, информация не поступала.

— Грузинские солдаты начали масштабную операцию в Южной Осетии, — не уловив моего напряжения, задумчиво продолжает Молотов. — Мы попали под обстрел в Цхинвали. Нас было шестеро. Шесть двадцатилетних парней, которым война казалась ярким приключением. Выжили только двое — я и мой товарищ. Ему пробило ногу, а мне порезало осколком снаряда лицо. Остальные погибли мгновенно. Шрам на лице -напоминание о том, как сильно мне повезло в тот день.

Я напряженно сглатываю.

— Моего отчима в те дни объявили пропавшим без вести в Кодорском ущелье, — срывается признание. — За те пять дней мама стала наполовину седой. Когда он вернулся живым, она плакала от счастья. И мы вместе с ней тоже.

Молотов удивленно приподнимает бровь.

— Надо же! У нас с вами есть общие точки соприкосновения? —

— Я бы так не сказала, — мотаю головой.

— Ладно, перейдем к насущному. — в его взгляде снова сквозит ставшая привычной за последние два часа уверенность. — Скажите, сколько здесь продержат мою дочь?

Я пожимаю плечами.

— Если не будет осложнений, через пару дней девочку выпишут. Вы вовремя ее привезли. Еще немного — и дела у вашей дочки могли быть намного хуже.

— Хорошо, что к дню рождения она будет дома. Она так ждет этот праздник.

Я улыбаюсь.

— Наверное, все дети одинаковы. Им нравится праздновать дни рождения.

Он криво ухмыляется.

— Не то, что нам, взрослым.

Я примирительно вздыхаю.

— Да. Каждый год напоминает, что ты становишься старше. Кстати, надеюсь, вы понимаете, что в день рождения ни о каких сладостях не может быть и речи? — строго смотрю на Молотова. — Диета очень важна для восстановления после операции.

Он вздыхает.

— Будет сложно. Уже представляю, как она расстроится.

— Иногда жизнь поворачивается темной стороной.

Молотов пронизывает меня взглядом.

— Он вам изменил, да?

— Кто? — теряюсь я.

— Ваш муж?

Вопрос, как болезненный удар, заставляет меня сжаться.

— Это не ваше дело, — шепчу потерянно. — Вы не занимаетесь бракоразводными процессами.

Он кивает.

— Что, верно, то верно. Таким я не занимаюсь. Но могу посоветовать хорошего адвоката, если потребуется.

Я качаю головой.

— Я не уверена, что мне потребуется помощь адвоката. Возможно, все решится по согласию обеих сторон.

— Как скажете. Ладно, спасибо за чай и печенье. Обещаю, завтра верну все, что было съедено. И еще привезу пирожных. Какие пирожные вы любите, Оля?

Я вдруг торопею. «Оля». Как красиво звучит «Оля» из его уст...

Просто сижу, прижавшись спиной к стене и балдею. Как будто обстрел в Цхинвали и военные действия в Кодорском ущелье внезапно нас сблизили.

— Везите все, что найдете, Данил Алексеевич! — слышится сонный голос Ани из-за ширмы. — Мы сладкоежки!

Он усмехается. Не спускает с меня взгляда.

— А у вас, я смотрю, везде уши?

— Еще бы, — киваю согласно. И снова разлетаются колющие мурашки от его голоса. Только теперь они не холодные, а теплые.

— Так что? Какие пирожные вы любите? — его взгляд останавливается на моих губах и почему-то темнеет.

Меня окатывает волной странного жара.

— Бу...буше, — выдыхаю, запнувшись.

Молотов усмехается.

— Моя дочь тоже любит Буше. Ей нравится слизывать крем с верхушки. А мне приходится доедать все остальное.

— Как мило, — произношу тихо, окончательно потерявшись в его зеленых глазах. — В идеальной картине не хватает собаки и камина.

— Почему не хватает? Есть у нас собака. А камин, к сожалению, только на даче.

— Дайте угадаю породу собаки? Пудель? — смешно вытягивает шею Аня.

Молотов отрицательно качает головой.

— Не угадали. Кавалер-кинг-чарльз-спаниель, — произносит четко и отправляет в рот остатки печенья и колбасы.

— Кавалер... что? — моя коллега в недоумении.

— Ладно, девочки. Будут вам сладости, — обещает Молотов. — Спасибо, что приютили в этот поздний час. Не буду вас больше беспокоить.

Он забирает недопитый чай и медленно покидает нашу ординаторскую.

— Ты зачем его сюда притащила? — поправляя растрепавшиеся со сна волосы, удивленно посматривает на меня Аня.

Я пожимаю плечами.

— Он сегодня не успел пообедать, а у нас на первом этаже больницы не оказалось круглосуточных закусовых, — не могу сдержать улыбку. — Нельзя же было позволить суровому адвокату упасть в голодный обморок?

— О, этому точно нельзя, — согласно кивает Аня. — Он так увлекательно рассказывал про обстрел в Цхинвали, что кажется, покори́л меня навеки. Пойду, проверю, как там его дочь, а ты поспи.

Она исчезает за дверью вслед за Молотовым, а я натягиваю на себя колючий плед в серую клетку.

Закрываю глаза и падаю обратно в пропасть. Там меня поджидают жгучие мысли о том, что я отныне одинока. Нет, нам с Вадимом не светит перемирие. Ведь невозможно помириться, когда его помощница на таком большом сроке.

Глава 9

Утром я бегу к своим пациентам. Сначала тяжелые. Амели — особый пациент. За нее лично просила главврач.

Амели уже не спит. Она болтает с сидящей у ее кровати посетительницей. Той на вид не больше двадцати лет. Почему-то интуитивно я угадываю, что это гувернантка, о которой упоминал накануне Молотов.

Скольжу по ней любопытным взглядом. Одета скромно, косметики почти нет. Русые волосы собраны в элегантный пучок.

— Понятно, почему она прошляпила свою подопечную, — возникает у меня за спиной Аня с градусником и пульсометром. — Ты ее саму видела? Куда ей было догадаться, что у девочки аппендицит?

Я усмехаюсь.

— Главное, что мы успели, Ань. Остальное не важно.

Заходим в палату.

— Здравствуйте! — гувернантка тушует. Подскакивает с места, заискивающе улыбается.

— А Данил Алексеевич?.. — строго приподнимает бровь Аня.

— Уже уехал по делам. Да вы не переживайте, я за него, — охотно поясняет девушка. — Я Виктория, будем знакомы.

— Очень приятно, Виктория. Как же вы аппендицит про-

шляпили? — Аня качает головой, а юная гувернантка растерянно разводит руками.

— Не знаю. Мне и в голову не пришло, что у ребенка такое возможно. Я думала — аппендицит вырезают только взрослым.

Я подхожу к нашей подопечной.

— Как самочувствие, малышка? — внимательно слежу за реакцией.

— Доброе утро, — на пересохших губках девочки проступает слабая улыбка. — Так себе.

— Неудивительно, ведь тебе сделали операцию. Шов сильно болит?

— Болит.

— Сейчас попрошу медсестру добавить тебе обезболивающее. Завтра уже будешь чувствовать себя лучше. А пока — строгая диета и покой. Никаких сладостей! Только то, что принесет медсестра.

Амели вздыхает.

— Я не люблю диету, — произносит тихонько.

Я глажу ее по спутавшимся волосам.

— Никто не любит. Если будешь слушать доктора, отпразднуешь день рождения дома.

— Ура, — Амели улыбается.

Я не говорю ей о том, что в день рождения не будет главного угощения — торта. Не хочу расстраивать. Пусть Молотов сам выкручивается со своей маленькой принцессой.

Аня сует ей градусник и измеряет пульс.

Я осматриваю рану. Состояние удовлетворительное.

Обсуждаем диету и возможную прогулку по коридору под присмотром персонала, а потом я передаю пациентов прибывшей смене и покидаю больницу.

Когда я добираюсь до своей «тойоты», на часах почти девять утра.

Улавливаю, что на улице предательски пахнет весной. Осматриваюсь.

Город живет своей жизнью. Она бурлит, кипит, внезапно ускоряется – и так много мужчин и женщин с цветами! Кто-то чинно шагает с тюльпанами, кто-то бежит по проспекту с охапкой мимоз, а у кого-то в руках нарциссы. Даже солнце сегодня греет по-особому, и от этого только больнее. Ведь эта ранняя весна совсем не для меня. И цветов мне тоже никто не подарит. Меня ждет развод.

Я ощущаю себя дико несчастной. Горло перекрывает спазм. Как же так?! Как насчет «и в горе, и в радости, пока смерть не разлучит нас»?

Отчим прожил с моей мамой двадцать пять лет вместе. Когда он вошел в нашу жизнь, с охапкой летних ромашек в руках, в военной форме - мне было пять, но его это не смутило. Он старался дать все, что мог – и мне, и своей родной дочери Зое.

А мою семейную жизнь спустя три года сломал десерт из Дагестана. Так подло и низко!

Стойкий оловянный солдатик Оля внезапно сломался. Он больше не в строю. Он не может сражаться. А как его починить, я не знаю. Ведь у мужа уже три месяца служебный роман, о котором я не в курсе.

Я забираюсь в машину. Несколько мгновений просто сижу, пытаюсь собраться с духом, а потом набираю номер сестры Зои. Начну с нее, а потом поеду к родителям. Надо сообщить о том, что мне теперь придется пожить у них.

— Оля? Вот это сюрприз! Звонишь поздравить? — звенит в телефоне ее веселый голос.

На миг я тушуюсь.

— Привет. С чем поздравить? — уточняю осторожно, судорожно соображая, когда у Зои день рождения. Но ведь точно не сегодня! Он у нее в июне.

— Оль, ты с луны свалилась? С восьмым марта, конечно! Ты же за этим звонишь?

Фоном слышен женский смех и перезвон бокалов.

Я вдруг понимаю, что Зоя сегодня у себя в офисе, и они с утра уже успели накатить шампанского.

— Оль?... — настораживается сестра. — У тебя все в порядке?

— Нет, — шепчу глухо, чувствуя, как предательски щиплет в носу. — Я от Вадима ушла.

— Как... ушла?

— Вот так. Он мне изменил.

— Так, стоп. Ты где сейчас?

— В машине сижу. Надо бы вещи забрать из нашей квартиры, а у меня нет сил к нему ехать.

— Ты возле больницы?

— Да.

— Сиди там, где сидишь, я уже еду.

— Ты же без машины, — пытаюсь остановить ее хмельной запал.

— И что? Такси не ходят, что ли, сегодня? Все равно в офисе работы не будет. А босс нас уже успел поздравить.

— Такси сегодня втридорога.

— У меня нормальная зарплата, Оля. Все. Жди, через десять минут буду!

Глава 10

Я жду. Совесть не позволяет мне уехать, особенно после того, как Зоя вызвалась заплатить в три раза дороже за вызов такси.

А если быть совсем честной, то я не знаю, что мне делать дальше. Надо ехать к нам с Вадимом домой, а я не могу найти в себе мужество открыть дверь квартиры, в которой еще сутки назад у меня все было хорошо.

Кто-то стучит в лобовое стекло. Вздвогнув, поднимаю глаза. Молодой человек в шлеме на мотороллере отчаянно жестикулирует. На вид ему не больше двадцати лет, и я сначала не понимаю, что ему нужно.

— Что случилось? — спрашиваю, приспустив стекло.

— Скажите, вы случайно не Прихожина Ольга Федоровна?

— Предположим, это я. У вас есть ко мне вопросы?

Нервничаю. Не люблю, когда чужие люди лезут с глупыми вопросами. После ночного дежурства я на взводе, нервы на пределе.

— Я курьер. Я должен был к восьми часам утра доставить вам в отделение подарок с восьмым марта, — тараторит незнакомец. — А я застрял в пробке! Невозможно ее было объехать, вот я и опоздал. Хорошо, что ваши коллеги подсказали номер вашей машины.

Он нервничает. Видимо, за провал заказа их штрафуют. С моих губ срывается усмешка.

— Боюсь, вы ошиблись адресом. Мне неоткуда ждать поздравлений.

И снова то, что я больше не с Вадимом, царапает по сердцу кровавой отметиной.

— Не ошибся! Заказчик сказал, что у вас заканчивается смена в восемь, а следующее дежурство девятого марта, и подарок будет не актуален. Так что, примите пожалуйста, презент из кондитерской и вот это... — продолжает захлеб таторить курьер и одновременно отстегивает короб, что крепится к заднему сиденью его мотороллера.

Я в недоумении. Приоткрываю дверь, чтобы прояснить возникшее недоразумение, и тут же получаю в руки охапку крупных розовых тюльпанов, завернутых в крафт бумагу. На миг замираю – их так много, и они так обалденно пахнут весной, что на глаза невольно наворачиваются слезы.

— И это тоже вам, — курьер что-то подсовывает мне на колени. — Спасибо за понимание! Извините еще раз за задержку.

— Но...

Я хочу сказать, что это точно не для меня, но курьер уже заводит свой мотороллер и в одно мгновение уносится прочь.

Я нащупываю на коленях стильную темно-коричневую коробку, перевязанную розовой лентой. Осторожно отложив

цветы на свободное сиденье, осматриваю коробку. Под розовую ленту вставлена визитка. Черный фон. Золотое тиснение: «Адвокат Данил Алексеевич Молотов». И контакты. На обратной стороне подпись от руки: «Спасибо за все. Если понадобится помощь адвоката, обращайтесь. Чем смогу, помогу».

Так вот, от кого поздравление.

В коробке целая дюжина пирожных «Буше» из модной кондитерской. Ну, конечно! Только один человек мог знать, когда у меня следующая смена.

«Какие пирожные вы любите, Оля?» - всплывает в памяти его вопрос, и губ против воли касается улыбка.

Оглядываюсь по сторонам. Город по-прежнему живет своей жизнью. Она бурлит, кипит, внезапно ускоряется – и так много мужчин и женщин с цветами!

И кажется, я внезапно тоже вливаюсь в этот поток. Занимаю в нем свое законное место благодаря скандальному адвокату, который почему-то решил во что бы то ни стало выполнить задание и вручить мне пирожные до того, как закончатся праздники.

Я ставлю коробку с пирожными на заднее сиденье и снова беру в руки букет тюльпанов. Осторожно касаюсь пальцами розовых лепестков. Глажу их, как самое дорогое сокровище. От тюльпанов до одури приятно пахнет весной. И почему-то я начинаю верить в то, что у меня все будет хорошо.

Наверное, каждой из нас для чего-то нужно получить бу-

кет в международный женский день. Яркий букет, от которого повеет надеждой. Мне — для того, чтобы собраться с силами и вернуться в свой дом, который внезапно стал чужим. А еще — чтобы взглянуть в глаза мужу, который внезапно оказался предателем.

Дверь машины открывается, и на переднее сиденье забирается моя сестра Зоя. Она в коротком пальто цвета горький шоколад и джинсах. От нее пахнет шампанским и дорогими духами.

— Оля, привет, — запыхавшись, выдыхает сестра.

— Привет, — я касаюсь ее руки в знак приветствия.

— О, букет! Ничего себе. Кто, интересно, так раскошелился?

— Почему сразу раскошелился? — недоумеваю я. — Это просто букет тюльпанов.

— Оля, ты цены на тюльпаны знаешь? Нет? А я знаю. Поверь, тот, что у тебя в руках, стоит больших денег. Неужели Вадим решил покаяться?

Настроение стремительно падает.

— Нет, Зоя. Вадим тут совсем не при делах, — поясняю сухо. — Этот букет подарил один адвокат. Я ночью прооперировала его дочь, вот он и решил отблагодарить.

— Ясно, — фыркает Зоя. — А я уже нарисовала себе роман с тайным поклонником.

— Нет, все намного банальнее. Дорого обошлось такси?

— Бесплатно.

— Сегодня такси для женщин города бесплатно? В жизни не поверю в такую щедрую акцию.

— Меня любезно подобросил босс, — поясняет Зоя и ее губы растягиваются в предательскую улыбку.

Сказать, что я удивлена, это ничего не сказать.

— В разгар рабочего дня начальник решил проявить чудака человеколюбия и довез тебя сюда?

— Скажем так, у нас с ним особые отношения, — уклончиво отвечает сестра и почему-то прячет взгляд. — Ладно, выкладывай, что случилось.

Я молча достаю мобильник и показываю ей вчерашние сообщения от Анаит.

— О... — Зоя меняется в лице. — Ничего себе, сюрприз к восьмому марта.

— Тот еще сюрприз, — киваю я.

— А Вадим что?

Я отвожу взгляд. Чувствую себя — хуже некуда.

— Он сознался. Сказал, что Анаит — как десерт. Он не устоял и решил полакомиться, а теперь сожалеет. Что расстался с ней, а у нее уже приличный срок. Она просто не уследила по неопытности за циклом, а теперь поздно пить Боржоми.

Зоя напряженно сглатывает.

— Ну, да, тут без вариантов. Только развод. Оль, тебе нужен хороший адвокат.

— Не дури, Зоя. Я просто подам на развод, и все. Пусть

судья сам разбирается.

— Оля, нет! Эти родственники с Кавказа обернут тебя до нитки. Особенно, если у них есть деньги и связи.

— Зоя, сначала я хочу просто забрать вещи. Мне нужно забиться в угол, накрыться с головой одеялом и пережить предательство. А потом я буду думать про адвоката. Надеюсь, Вадим согласится развестись с разделом имущества, и на этом мы поставим жирную точку.

— Оль... — Зоя эмоционально машет руками. — Да как ты не поймешь? Все, что есть в вашей шикарной квартире, заработал он. Все, что вы приобрели – тоже его вложения. Он не согласится подарить тебе половину просто за красивые глаза.

— Не вижу проблемы. По закону имущество делится пополам.

— Ладно. Ты права. Давай соберем твои вещи и выдохнем. Завтра восьмое марта, и у нас будет целый день, чтобы обдумать дальнейшие шаги. Кстати, как только папа узнает о случившемся, он тоже станет настаивать на адвокате.

Я медленно выдыхаю. Отчим. С ним будут проблемы. Я уже представляю его реакцию на мой развод. В его картине мира брак заключается раз и навсегда.

Но отчим будет потом. Сейчас мне надо собраться с духом и поехать домой. Хорошо, что Зоя со мной. Так мне будет проще.

Я откладываю букет на заднее сиденье, к коробке с пи-

рожными, и завожу машину.

— Все, едем ко мне домой. Пришло время забрать вещи,
— произношу с излишней бравадой.

— Едем, — согласно кивает Зоя.

Моя «Тойота» выезжает на проспект и набирает скорость. Сердце предательски ноет. Мне страшно, очень страшно столкнуться с новой реальностью лицом к лицу. Стойкий оловянный солдатик Оля внезапно сломался. И я не знаю, как его починить, чтобы он снова мог идти в бой.

У нашего с Вадимом подъезда я замечаю машину свекрови.

— Вот же... только ее здесь не хватало, — начинаю нервничать.

Мое парковочное место почему-то занято. Там стоит чужая машина - «Джилли кул рей» агрессивного оранжевого цвета. И номера – совсем не нашего региона. Что-то неприятно сосет под ложечкой от нехорошего предчувствия.

— Код 105, — будто читает мои мысли Зоя. — Это дагестанский номер, Оль.

Глава 11

Мы с сестрой переглядываемся.

— Может, не будем сейчас туда соваться? — она начинает нервничать. — Как знать, что у них на уме?

— А может, это просто совпадение? Мало, что ли, у нас в городе гостей из Дагестана? — пытаюсь убедить себя в нереальности происходящего и толкаю дверцу, чтобы выйти из машины.

Но интуиция подсказывает мне, что Зоя права. В квартире не только свекровь. Это родственники Анаит красиво заняли мое парковочное место, подчеркнув свое преимущество.

— Не дури, Оля! Кто знает, что это за люди? — перехватывает мою руку Зоя. — Давай подождем, пока они уедут?

Ждать придется всего несколько мгновений - двери подъезда неожиданно распахиваются.

На улицу выходят двое мужчин. Они элегантно одеты. Темные волосы, карие глаза и выразительные черты лица выдают их родство и кавказскую кровь. Вслед за ними выходит моя свекровь. Она бледна. Элегантное каре и белое пальто, которое обычно ее так молодит, на этот раз не спасает. Она растеряна и напугана. Она не одна, а со свекром, что само по себе весьма удивительно. Родители моего мужа в разводе уже много лет. Свекор живет в Санкт-Петербурге, у него там небольшой бизнес и другая семья. То, что он сейчас на-

ходится здесь, лишь доказывает серьезность ситуации.

Я чувствую, как дико колотится сердце в груди. Мне не хватает воздуха. Конечно, родители моего мужа напряжены и не замечают мою «Тойоту».

Я тихо приоткрываю окно и прислушиваюсь.

— В следующую субботу встретимся в Махачкале. Ждем калым. Вашему сыну нет оправдания, и вам очень повезло, что мы хотим решить вопрос мирным путем, — доносятся до меня обрывки фраз от незнакомцев.

— Как вы не понимаете? Мой сын женат! — заламывая руки, стонет свекровь.

Старший из незнакомцев резко притормаживает. Испепеляет ее презрительным взглядом.

— Вот именно, — цедит холодно. — Поэтому произошедшее тянет как минимум на межнациональный скандал!

— Не нагнетайте, — жестко обрывает гостей мой свекор. — О чем думала ваша дочь?! Почему она так поздно сообщила о своем интересном положении?

— Потому что боялась гнева семьи? — ухмыляется младший.

Я догадываюсь, что гости с Кавказа – отец и брат Анаит.

— В следующую субботу мы ждем хороший калым за поруганную честь нашей Анаит, — наступает на моих свекров старший. — Про то, что ваш сын женат, мы умолчим. Нашей родне не обязательно знать все факты этой грязной истории. После сватовства постарайтесь поскорее разобраться

с женой вашего сына. Она теперь лишняя.

Я напряженно сглатываю. «Ждем калым». По кавказской традиции, калым дают, когда идут свататься.

«Постарайтесь поскорее разобраться с женой. Она теперь лишняя» - бьет в голову набатом. Перед глазами все плывет.

Краем глаза я замечаю, как вытягивается лицо Зои.

— Вадик поедет свататься в Махачкалу, будучи женатым?! — шепчет сбивчиво сестра. — Он что, совсем сду-
рел?!

Я не отвечаю. Лишь нервно сглатываю ком в горле. По спине ползет холодок. Похоже, мой муж доигрался. Вряд ли ему удастся отделаться без последствий. Мама с папой здесь не смогут помочь.

— О чем он думал, когда соблазнял эту глупышку Анаит?! Я еще могу поверить, что она по молодости поддалась его чарам, но он! Он же должен был думать головой... — закрыв лицо руками, стонет Зоя.

Я молчу. Я, будто окаменела. Сердце по-прежнему дико колотится в груди. Дышать тяжело.

Я остекленевшим взором наблюдаю за тем, как одна за другой от парковки отъезжают дерзкий оранжевый «Джили» и европейская «Шкода октавия» свекрови.

— Говорила же я тебе, что разойтись с Вадиком просто так не получится! — шипит с соседнего сиденья Зоя. — Ищи адвоката, Оля! Потому что гостям с Кавказа нужен жених с чистой репутацией для их Анаит! Им ни к чему женатик. И

еще неизвестно, на что они способны.

Я решительно толкаю дверь машины.

— Ты куда? — сестра пытается перехватить мою руку, но на этот раз я ловко ухожу от захвата.

— Знаешь что? Я не боюсь этих оскорбленных гостей из Махачкалы! Пока что законная жена Вадима — я. И я хочу посмотреть в глаза этому идиоту. Пусть скажет мне в лицо, что он теперь кавказский жених! — выплевываю я. Хлопнув дверцей машины, устремляюсь к подъезду.

Чертыхнувшись, Зоя бежит за мной следом.

Глава 12

Я отпираю дверь квартиры своим ключом. Мы с Зоей заходим в холл.

Я молча сбрасываю с ног полусапожки и снимаю пальто. Ставлю сумочку на пуф, по привычке приглаживаю собранные в небрежный пучок волосы. Мне ужасно хочется сбросить с себя одежду и забраться под горячие струи душа, а потом переодеться в любимый шелковый пеньюар с жемчужными пуговицами и сделать себе чашку ароматного кофе. Но вместо этого я отправляюсь на поиски мужа.

Пригожина я застаю в столовой с бутылкой виски и стаканом в руке.

— Оля? — он сначала пугается, а потом выдыхает. — Наконец-то ты дома.

Оставив стакан и бутылку на столешнице, он стремительно идет ко мне и крепко прижимает к себе.

— Оля, прости меня! Слышишь? Прости... — шепчет неистово, зарываясь лицом в мою шею.

Я на миг замираю. Глаза печет от слез. Его запах, такой родной и близкий, заставляет тело привычно откликнуться на объятия.

— Зачем? — шепчу в ответ горький вопрос.

— Я не знаю... Сам не знаю, как так получилось. В одну из пятниц ты дежурила в больнице, а у нас был банкет. Анаит

выпила шампанского, и ... я не знаю, что на меня нашло, Оля! Я ее не люблю. У нас и близость случилась всего один раз. Мне очень стыдно. Мне жаль, что я это сделал. Поверь, если бы у меня был хоть один шанс вернуться в прошлое и все изменить, я бы никогда на нее не повелся...

Его слова обжигают раскаянием, но для меня они яд. Я отстраняюсь от его рук и губ, которые еще мгновение назад казались родными.

Взгляд фиксирует накрытый стол. Нарезки, фрукты, коньяк. Дагестанский. Подхватываю бутылку початого коньяка, смотрю на этикетку.

— У нас были гости? — спрашиваю прямо.

Он отводит взгляд.

— Были.

С моих губ срывается колкая усмешка.

— Из Дагестана? — трясусь у него перед лицом бутылкой.

Вадим выдыхает, а потом, наплевав на стакан, отпивает виски прямо из горлышка бутылки.

— Оля, я крепко вляпался, — признается внезапно. — Но, прежде чем случится непоправимое, я хочу, чтобы ты знала: для меня наш с тобой союз очень много значит. Я не хочу тебя терять.

— Так много, что ты заделал ребенка секретарше? — ухмыляюсь с отчаянной горечью, отгоняя прочь слезы, которые пекут глаза, грозя прорваться потоками.

— Да как ты не понимаешь?! Меня подставили! Они

слишком спокойно восприняли новость. И они затребовали калым! Десять миллионов рублей. Откуда у меня такие деньги?!

— О-о-о, — Зоя наконец подает голос.

Устроившись за столом, моя сестра дегустирует дагестанский коньяк и закуски.

— Так что, ты у нас теперь жених? — ухмыляется с издевкой. — Отхватил невесту с Кавказа, позабыв о том, что женат?

— Заткнись, Зоя! — Вадим с отчаянием проводит по русым волосам ладонью.

Сестра возмущенно приподнимает красивую бровь.

— А почему сразу «заткнись»? Правда глаза колет? — она дерзко подмигивает зятю и ловко отправляет в рот помидор Черри.

— Если ты уверен, что ребенок не твой, можно сделать ДНК-тест, — произношу отстраненно. Наверное, с последней надеждой сохранить наш брак.

«Если у него с ней был всего один раз, то может, еще не все потеряно?» — шепчет подсознание с глупой, идиотской надеждой на чудо. Я ненавижу себя за эту слабость. Но мне так не хочется терять свою семью. В этой квартире все так привычно. Я подбирала каждую мелочь, я вложила сюда свою душу. Здесь все пропитано мной и моей любовью к уюту. О, как же мне хочется по привычке устроиться в любимом кресле у панорамного окна в гостиной с чашкой кофе... До

скрипа зубов хочется вернуться в привычную атмосферу! А после улечься рядом с Пригожиным на нашу мягкую кровать и провалиться в его объятия и поцелуи, тоже такие любимые и родные. Моя психика отказывается принять тот факт, что этого всего больше не будет. И я цепляюсь за последнюю надежду на спасение всего, что для меня дорого.

Вадим замирает. Сжимает горлышко бутылки дрожащими пальцами.

— А до рождения ребенка... можно?

Я согласно киваю.

— Срок как раз идеально подходит. Неинвазивный ДНК-тест на отцовство во время беременности можно делать начиная с 10-й акушерской недели, но 10-12 недель считаются наиболее точным сроком. Он делается легко – в крови будущей матери содержится информация о плоде.

— То есть, если мы уговорим Анаит сделать тест, у меня есть шанс? — в выразительных серых глазах Пригожина вспыхивает отчаянная надежда.

— Что значит, уговорим? Она и ее родственники обязаны согласиться на тест, если предъявляют такие серьезные запросы!

— А у тебя есть знакомые, Оль? Чтобы сделать тест быстро?

— Мой бывший однокурсник Олег Сафронов работает в лаборатории. Думаю, к нему можно обратиться за помощью.

— Это же превосходно!

Я смотрю на мужа. Он выглядит жалким, отчаявшимся человеком. Ему очень хочется, чтобы история с Анаит закончилась. А ведь она еще даже не начиналась...

— Что-то мне подсказывает, что тебя не спасет этот тест, дорогой зятек, — капает ядом Зоя.

— Я договарюсь, — игнорирую ее сарказм. — Может, тебе повезет, и тест покажет, что ребенок не твой. А пока все не закончится, я поживу у родителей. Зоя приехала, чтобы помочь мне собрать вещи.

С этими словами я набираю номер Сафронова. Он работает в медцентре, который делает ДНК-экспертизу лучше всех в нашем городе. К ним обращаются даже из суда.

— Привет, Олег. Это Оля Пригожина, — начинаю с представления. Впрочем, этого не требуется. Мы недавно были на одном банкете и тесно общались. Вряд ли он успел про меня забыть.

Глава 13

Олег Сафронов схватывает ситуацию на лету и назначает нам консультацию на понедельник, девятое марта. Она состоится в десять часов утра, в их медицинском центре.

— Оль, мы работаем без выходных, но ты же сама понимаешь — к нам попасть не так просто. К нам со всей округи едут, — оправдывается он.

— Я понимаю, Олег. Спасибо за помощь. Девятого марта в десять утра. Записала. До встречи, да.

Я жму на отбой.

— Вадим, запиши адрес. В десять часов утра девятого марта тебя и твою кавказскую невесту будут ждать в медцентре, — диктую жестко. В стрессовых ситуациях я привыкла действовать быстро и четко. Никаких чувств, никаких эмоций.

Он ловит мою руку. Обдаёт дыханием с примесью алкоголя.

— Оль... я не хочу, чтобы ты уезжала к родителям. Пожалуйста. Сейчас мне нужна твоя поддержка. Как никогда нужна, Оля...

И смотрит мне в глаза, так пронзительно, так откровенно, что у меня разбивается сердце.

— Вадим... — я пытаюсь увернуться от его нетрезвых объятий. — Ты мне изменил. Между нами стоит ребенок.

В его глазах вспыхивает помешанный на отчаянии лихорадочный блеск.

— А если удастся доказать, что он не мой? Тогда ты меня простишь? Умоляю, скажи, что дашь мне шанс все исправить?

Я смотрю на него, не мигая. Время замирает. Он так близко. Надо сделать всего один шаг навстречу. Это так мало, и в тоже время – пропасть, через которую не перешагнуть. Не изменить, не исправить.

— Уже иду собирать твои вещи, — громко сообщает Зоя. Подхватив со стола какую-то сладость из Дагестана, она отправляет ее в рот и шумно исчезает в дверном проеме.

Вздрагнув, я возвращаюсь в реальность.

Осознаю, что тепло его руки обжигает болью предательства.

Взгляды встречаются. Я всхлипываю. Выдергиваю руку. Прикрываю рот ладонью и бегу вслед за Зоей в спальню.

Мы собираем мои вещи молча. У меня противно дрожат руки. Нет, я не могу поверить, что я покидаю свое уютное гнездышко! Не могу смириться с мыслью, что придется уютиться на старом скрипучем диване в гостиной у родителей, напрягая всех своим присутствием. Я так много вложила в наш с Вадимом брак. А квартира? Я же душу сюда вложила. Я планировала жить здесь долго и счастливо. Нет, я не готова начать все сначала.

Зоя молча подходит к трюмо и выдвигает ящик в комод.

Достаёт шкатулку из слоновой кости и вытряхивает все мои драгоценности в свою сумку.

Я перехватываю её взгляд в зеркале.

— Не смотри на меня так, — хмурится сестра. — Ещё неизвестно, кто здесь будет хозяйничать в твоё отсутствие. Золото принадлежит тебе по праву. Пригодится.

Её слова отзываются глухой болью. Глаза натыкаются на большое фото в золотой рамке. Там Вадим держит меня на руках в день нашей свадьбы. Я в свадебном платье, он в черном классическом костюме и бабочке. О, как же я была счастлива в тот день!

Я отвожу взгляд от канувшей в небытие семейной идиллии. Сглатываю ком в горле и возвращаюсь к сбору вещей. В два чемодана умещаются мои основные наряды. Скользнув взглядом по любимым комнатным тапочкам нежно-розового цвета, я запикиваю их поверх остальных вещей.

Ноутбук, зарядки, чехлы для телефона — кажется, все.

Поднимаю глаза, и сердце летит вниз — Вадим стоит в дверях спальни, растерянно созерцая наши сборы. Две верхних пуговицы на белоснежной рубашке расстегнуты, рукава небрежно закатаны. Во взгляде мелькает помешанное на глухой ярости отчаяние.

— Оля, я хочу предупредить, что я не согласен с твоим решением, — произносит потерянно. — Я виноват перед тобой, и, если твой коллега поможет доказать мою непричастность к положению Анаит, клянусь, я сделаю все, чтобы на-

ша семья сохранилась.

Я притормаживаю. Я не уверена в своем решении покинуть квартиру, но Зоя шумно подхватывает два чемодана на колесиках и громко тащит их по паркету к двери.

— Удачи, Вадик! — она криво подмигивает зятю. Пытается не наехать ему на ноги колесиками чемоданов, но все равно наезжает, заставляя отпрянуть. — Оля, идем!

Я замираю. Меня в один миг лишили самого главного — моего дома и семьи.

«Не верю, не верю, не верю!» — хочется кричать в пустоту просторного холла, оформленного в светлых тонах.

Кажется, секунды длятся вечность. Прежняя Оля — яркая и светлая, отчаянно сопротивляется нынешней — померкшей и сломанной.

Нынешняя побеждает. Я устремляюсь вслед за сестрой на ватных ногах. Голова кружится, в виски бьет набатом гулкий пульс.

Уже у выхода, накинув пальто, я в последний раз оборачиваюсь.

Вадим стоит напротив входной двери, сцепив зубы. У него в руках все та же бутылка виски.

— Оля, я тебя верну, обещаю, — глухо произносит он. — У нас все будет хорошо, слышишь? Ребенок не мой, клянусь...

Я скольжу взглядом по его лицу. По четко очерченным скулам, по губам, что еще вчера казались такими родными и

близкими, а сегодня от них веет ядом предательства.

— Я не вернусь, — отвечаю внезапно.

— Что?..

Взгляды сталкиваются.

В его серых глазах сквозит недоумение.

— Не вернусь, — повторяю уверенно и громко хлопаю тяжелой железной дверью.

Ныряю вслед за Зоей в лифт. Закрываю лицо руками. Плечи трясутся от всхлипов.

— Оль... — Зоя с сочувствием касается моей руки. Пытается подобрать слова. — Ты держись, слышишь? Сейчас домой поедем. Там мама и папа, они поддержат. А еще у меня бутылка мартини есть, с Нового Года стоит. Я все никак не могла решить, что с ней делать. Вот и пригодилась.

Кое-как мы дотаскиваем чемоданы до моей «Тойоты». Загружаем их в багажник, а потом садимся в машину.

— Ты хоть вести машину сможешь? — робко уточняет Зоя.

Я на миг прикрываю глаза. Втягиваю грудью воздух. Руки все еще мелко дрожат. Как же неожиданно жизнь швырнула меня обратно на самое дно...

— Смогу, — цежу решительно и поворачиваю ключ в зажигании.

... К родителям мы заваливаемся с чемоданами, коробкой пирожных «Буше» и букетом розовых тюльпанов.

Тоша, английский бульдог, встречает нас громким лаем.

Кажется, он живет в этой квартире вечно. И от того, что у родителей дома все по-прежнему, мне становится немного легче.

— Ой... — мама испуганно выглядывает из кухни. — Оля? Надо же, какой сюрприз! А я только обед накрывать собиралась. Как чувствовала, что гости будут. Отец, иди сюда! Наши девочки пришли!

Отчим выглядывает из гостиной. Он в черном махровом халате, надетом поверх футболки цвета хаки и спортивного трико. Приспускает очки.

— Красотки явились? А что же не предупредили? Я вас поздравлять завтра собирался.

— Брось, пап, — отмахивается Зоя. — Ты цены на цветы видел? Не стоит тратить.

— Обижаешь, дочка. Честь офицера запятнать хочешь? — он хмурится, а потом по очереди целует нас с Зоей. — Оля, какой букетище! От мужа?.. Так, стоп. А чемоданы чьи? Вы на курорт собрались?

Я выдыхаю для смелости.

— Нет, пап, — произношу потерянно. — Это от пациентов букет в подарок. А чемоданы мои, я к вам на пмж. Мы с Вадимом разводимся.

— Как, разводитесь? — ошеломленно шепчет мама и предсказуемо хватается за сердце.

Я прячу взгляд. Почему-то мне очень стыдно признаваться родителям в том, что произошло.

— Вот так. Он мне изменил. Секретарша от него беременна.

— Как, беременна?

— Вот так. Она сама мне вчера сообщила. Срок двенадцать недель.

Отчим меняется в лице.

— А муж что? — уточняет холодно, сжимая кулаки.

— Муж объелся груш! — отвечает вместо меня Зоя. — Даже не отпирался. Строит из себя страдальца, утверждает, что его обвели вокруг пальца.

— Вот мудак, — цедит зло отчим. Сжимает кулаки, и по выражению его лица я понимаю, что он уже готов на выход, к Вадиму. У офицеров с зятьями-изменниками разговор короткий.

Я примирительно поднимаю ладони вверх.

— Пожалуйста, пап, не стоит усугублять ситуацию. Просто скажите, сможете ли вы меня принять? Хотя ненадолго? Мне идти больше некуда.

— Конечно, примем! Что за вопрос? — мама забирает у меня тюльпаны. — Давай, в вазу поставлю. Жаль будет, если такая красота увянет.

Отчим подхватывает мои чемоданы.

— Ну, удивила, так удивила, ты нас, Оленька, — произносит растерянно.

Глава 14

Восьмое марта проходит, как в бреду. Мое тело меня предает – бумерангом прилетает реакция организма на предательство мужа. Все тело ломит, меня лихорадит, а еще желудок не принимает никакой еды. Стоит выпить чашку чая, как меня выворачивает наизнанку.

Мои домашние встревожены. Сначала Зоя и отчим выдвигают предположение, что я подхватила вирус кишечного гриппа, потом пугаются, что это может быть ковид, с которым слегла моя коллега.

— Нет, это нервное, — уверенно отмечает их теории мама. — Оля так всегда реагирует на сильный стресс. Вспомните школьный выпускной!

Я болезненно ёжусь. На школьный выпускной я очень перенервничала – сдавала экзамены в мед, не добрала баллов по одному предмету и слегла с такими же симптомами, как сейчас. Впрочем, мне повезло – в тот год в мединститут был катастрофический недобор, и благодаря этому мир получил хорошего детского хирурга Ольгу Пригожину.

Первую половину дня я провожу в полудреме, срываясь периодами в ванную комнату.

Мне слышно, как тихо заходит в гостиную отчим. Он ставит в вазу букет нарциссов и выходит.

— Ой, Олька, вот это тебя колбасит, — с сочувствием по-

смаатривает на меня Зоя. — А я хотела тебя с собой взять к друзьям на вечеринку. Мы в баре собираемся в восемь вечера.

— Нет, спасибо, я лучше здесь полежу, — свернувшись на диване в позе эмбриона, отвечаю тихо. — Мне завтра на смену, заменить некому. Катю Тимошенко на две недели закрыли на карантин.

Я лежу под тремя пледами, но мне все равно очень холодно. Зуб на зуб не попадает.

— Что ж, желаю скорее поправиться.

Зоя с сочувствием похлопывает меня по плечу и исчезает за дверью.

Мама приносит мне целебный отвар из трав. Убеждает, что он помогает от отравления.

Я внезапно осознаю, что уже пару часов не улавливаю присутствия отца в квартире.

— Мам, а папа где?

Смотрю на нее с тревогой и по глазам понимаю — он поехал к Вадиму. Поговорить по-мужски.

— Мам, нет... — стону в подушку.

— Прости, Оленька. Ты же знаешь, если папа для себя что-то решил, его не остановить. Я сама себе места не нахожу с тех пор, как он уехал, — сокрушается она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.